

Молодой человек, со взъерошенными волосами, сидел за небольшим кухонным столом и растерянно смотрел на стакан с молоком, стоявший перед ним. За ним, развалившись на металлической кровати с никелированными спинками и набалдашниками, наблюдал старик весьма странной наружности. Поглаживая свою длинную бороду, заплетенную в косу, он даже не замечал, что панцирная сетка кровати, разорванная в нескольких местах, образовывала на пыльном полосатом матрасе небольшие бугорки. Но странного старика это абсолютно не беспокоило.

В какой-то момент времени он, приподнявшись на локте, обратился к молодому человеку:

— Ты, милый, еще раз попробуй. Рано или поздно должно получиться.

— Вы в этом точно уверены? — с надеждой в голосе спросил молодой человек.

— Не был бы уверен — не говорил, — фыркнул в ответ старик.

Поморщившись, молодой человек потер пальцами виски:

— Ничего не помню. Абсолютно ничего. Голова просто раскалывается.

Старик уселся на край кровати и с сочувствием посмотрел на него:

— А имя свое помнишь?

Помолчав немного, молодой человек произнес:

— Тил., кажется.

— Кажется или точно? — склонив голову набок, спросил старик.

— Точно. Меня зовут Тил.

Старик слез с кровати, поправил сползший матрас и, повернувшись к молодому человеку, сказал:

— Имя у тебя мудреное. Заграничное. А меня Фомичом величают.

Старик расплылся в улыбке, но тут же строго добавил:

— Ты, мил человек, тренируйся, коли беда такая случилась...

Ослабив узел галстука, молодой человек снова сосредоточился на стакане.

Через пару минут, Фомич, сжалившись над парнем, подал голос:

— Хочешь помощи?

— Хочу, — с тоской в голосе ответил Тил.

— А ты мне сначала удавку свою подари.

— Какую удавку? — не понял молодой человек.

— Что на шее у тебя болтается.

— Это же галстук! — недоуменно воскликнул Тил. — Зачем он вам?

— Надо! — буркнул Фомич. — Я же не спрашиваю, для чего тебе молоко?

— Я кушать хочу, а кроме молока здесь ничего нет!

— Как нет?! — всполошился старик. — Я только сегодня утром проверял — все было на месте. Видишь, тумба пузатая стоит? Холодильник называется. Вот в нем еда и лежит... Так подаришь удавочку?

Пожав плечами, молодой человек снял с шеи галстук и бросил его в сторону Фомича. Тот, поймав подарок, сунул галстук в карман широких штанов:

— Вот теперь порядок.

— Что теперь мне делать? — хмурясь, поинтересовался Тил.

— Ничего. Возьми стакан и пей свое молоко.

— Вы что, издеваетесь?! — ошарашенно воскликнул молодой человек. — В том-то и дело, что я не могу этого сделать! Ни поднять, ни сдвинуть!

— Так ты не думай о том, как взять сам стакан. Думай о том, что в нем находится. Бери и пей себе на здоровье. Душа у молока...

— Что? — перебил старика Тил. — У кого душа? У молока?! Вы хотите сказать, что у молока есть душа?!

— А по-твоему нет? Даже у стула, на котором ты сидишь, есть душа. А у молока и подавно.

— Бред, какой-то, — молодой человек тряхнул головой. — Душа у молока. Надо же такое сказать!

Внезапно, он ударил ладонью по своему лбу и весело произнес:

— Как же я сразу не догадался! Я сплю и вижу сон. Мне снится эта странная комната, этот странный разговор...

Фомич закатил глаза. Хрустнув костяшками пальцев, молодой человек, продолжил:

- Верните обратно мой галстук! Я обменял его на обещание помочь, но вы не сдержали свое слово.

- Не обменял, а подарил! – возмутился старик и, шаркая по деревянному полу босыми ногами, направился к столу.

Подойдя, он, бормоча себе под нос, что-то невнятное, взял в руку стакан и поднес его к губам молодого человека. Тот, посмотрев на старика, с жадностью принялся пить. Когда стакан опустел, Фомич поставил его на стол и, громко фыркнув, вернулся к кровати. Тил, закинув руки за голову, откинулся на спинку стула и начал раскачиваться на его задних ножках. Прикрыв глаза, он сказал:

— Вкусное молоко. Мне начинает нравиться мой сон.

Услыхав это, старик недовольно буркнул:

— Ишь, сон ему начал нравиться! Сядь нормально! Не ровен час - стул сломаешь. Имущество-то не казенное.

Сказав, Фомич, кряхтя, полез под кровать. Тил послушно сел прямо и прислушался. Под кроватью застонала какая-то пружина, затем, что-то грохнуло и раздался звук бьющейся посуды. Немного подождав, молодой человек, словно боясь, что его не услышат, громко произнес:

— Все-равно, у молока нет души!

Под кроватью послышалась возня и до Тила донесся глухой голос старика:

— Каждому свое. Хочешь — верь, хочешь — не верь.

Снова застонала пружина и из-под кровати показался Фомич. В руках он держал старый чайник с погнутой ручкой, тарелку и несколько больших кружек.

— Вот, — с трудом поднимаясь с колен, сказал старик. — Сейчас чай готовить будем. А насчет того, «есть душа у молока или нет», я так скажу: заходил тут ко мне один, рассказывал, что субстанцией какой-то питается. Как ее там... А! Прана. Все доказывал, что она его живительной энергией наполняет и пища ему больше не нужна.

Поставив на стол кружки, Фомич пошлепал к холодильнику.

— Как по мне, — продолжил он, — ежели природе было бы угодно, чтобы мы питались одним воздухом, то она ни за что не подарила бы нам всю ту вкуснятину, что мы едим.

Покопавшись в холодильнике, старик вынул из него хлеб, колбасу и металлическую вазочку с печеньем.

— Не согласен. Природа настолько удивительна, что мы до конца не знаем ее законов, — попробовал возразить Тил. —

Меня давно интересуют подобные вещи. Года два назад я летал в Индию, в один лагерь для тех, кто желает стать ближе к природе, лучше узнать свое тело, познать себя, очиститься с помощью медитаций. Это были удивительные два месяца в моей жизни. Я восхищаюсь такими людьми, как ваш знакомый и с удовольствием пообщался бы с ним.

— Вот помрешь, и пообщаешься, — Фомич чиркнул спичкой и зажег конфорку плиты.

— Что, значит, «помрешь»? — испуганно спросил Тил. — Ваш знакомый умер?

— Недели две назад, как помер. Как и ты, сюда пришел, дня четыре философствовал - то об одном, то о другом. Весело с ним было, — ответил Фомич, наполняя чайник водой.

— Получается, что я не сплю? — побледнев, спросил молодой человек.

— Не спишь, — подтвердил Фомич, ставя чайник на огонь.

— Я умер? — почти шепотом спросил Тил.

— Пока нет. Скорее всего, лежишь в коме.

Сказав это, старик вынул из ящичка стола нож и начал резать колбасу.

— Как же я здесь оказался? — растерянно спросил Тил.

— Видишь, вон то здание, перед домом? — Фомич ткнул ножом в сторону оконного проема.

Молодой человек кивнул головой.

— Это больница, — просветил Фомич. — Ко мне оттуда частенько коматозников заносит.

Тил поднялся и хотел было подойти к проему, но старик его одернул:

— К окну не приближайся! Не дай бог, если тебя, кто-нибудь увидит.

Фомич сгреб нарезанную колбасу и положил ее на тарелку.

— Как же меня можно увидеть, если я лежу в коме? — Тил вопросительно посмотрел на Фомича.

— Душу видно в дождливую погоду. Она в воде, как в зеркале отражается. А сегодня с самого утра льет, как из ведра.

— И что в этом плохого? Подумаешь, силуэт в окне торчит. Мало ли, кто из окон смотрит. — Тил опустил на стул.

— Этот дом давно на снос, — сказал Фомич, нарезая хлеб. — Увидят кого в окне, решат, что бездомные поселились, с проверкой придут. А так, вроде, про дом забыли.

— Но свет-то горит. Так или иначе решат, что здесь, кто-то обитает.

— Это не тот свет, что живым виден. Не веришь? Проверь! Дом-то давно обесточен.

— Значит, я — привидение, — произнес Тил и на его глазах навернулись слезы.

Фомич вытер руки о подол рубахи:

— Ну, до привидения тебе еще далеко, хотя, телесно ты отсутствуешь.

Увидав, что молодой человек вот-вот расплачется, старик подошел к нему и, похлопав по спине, сказал:

— Не стоит так расстраиваться. Скоро Захарыч придет, так мы у него все и разузнаем. Он при больнице домовым служит.

Тил с надеждой посмотрел на своего нового знакомого:

— Вы тоже при больнице служите?

— Нет, что ты! — замахал руками Фомич. — Я домовой местный.

— Как это? — не понял его молодой человек.

Старик подошел к холодильнику и достал из него пачку заварки.

— Я в этом доме лет двести живу, — сказал он. — Когда-то здесь барыня одна проживала. Я, как раз, при ней родился. Затем ее потомки тут хозяйничали, а после революции из дома коммунальное жилье сделали.

Усевшись на табурет, Фомич продолжил:

— Жизнь сразу закипела! Нас домовых - штук сорок собралось. Хорошая была жизнь. Веселая! То соседи по пьяни подерутся, то одна хозяйка другой в компот соли добавит. За детишками приглядывали, когда их родители на работу уходили, влюбленных гоняли. А потом народ расселили и все разъехались, кто куда.

— А вы, почему здесь остались?

— Моя хозяйка умерла еще до переезда. Славная была старушка, правнучка той барыни. Всегда нарядная ходила, ухоженная. Местные тетki ее ненавидели. А она на них внимания

не обращала. Подбородок вверх поднимет и идет. Пять языков знала. Литературу переводила. Меня кормила.

— Это как? — удивился Тил.

— Поставит на комод тарелочку, на нее угощение положит. Печенье, конфетки... Иногда в стопочку молочка нальет...

— А разве без этого вы не можете кушать? — удивился Тил.

— Могу, конечно! Дело-то не в еде, а в признании, да в уважении. Это она меня Фомичом нарекла. Поставит тарелочку, поклонится и говорит: «Приди, Фомич, прими мое угощение, за работу свою...». Эх, позабыл уже слова. Я для нее старался очень. Вижу, кончается крупа, так я натащу ей крупинок и снова мешочек полный. И деньги целы. Мужа и детей ей боженька не дал. Племянники у нее жили, она их у себя прописала. А, когда им отдельные хоромы дали, они уехали, а меня с собой не позвали.

— А вам специальное приглашение требуется?

— Вот сразу видно, не наш ты человек! Да! Меня позвать надо! Ставишь сумочку или корзинку посреди комнаты и зовешь. Потом из комнаты уходишь, минут на пять.

— Зачем?

— Чтобы дать мне время все свое хозяйство в корзинку уместить...

Тил расхохотался. Фомич обиженно посмотрел на него:

— Ничего-то нынешняя молодежь не знает.

Молодой человек перестал смеяться:

— Так найдите себе нового хозяина, — предложил он.

— Не могу я дом оставить. Если уйду, он окончательно разрушится. А я его в опрятности держу: тут подлатаю, там почию. К тому же меня другие домовые навещают.

— Но ведь наступит день и этот дом рухнет, либо, его все-таки снесут...

— Из него несколько раз пытались больничный корпус сделать. Да, видать, денег не хватило. Вот и стоит он одинокий уже тридцать лет. А рухнуть я ему не позволю.

Засвистел чайник. Фомич слез с табуретки, снял чайник с плиты и поставил на деревянную подставку. Подняв крышку, он сыпанул в него немного заварки.

В коридоре кто-то кашлянул, и Фомич обрадованно воскликнул:

— Захарыч, заходи, чаевничать будем!

Из темноты показался худощавый домовой с большими усами. Немного смущаясь, он бочком вошел в кухню и, сняв с себя длинный плащ, кинул его на спинку кровати.

— Я тут не один, — пробасил гость, — со мной душа одна увязалась, а прогнать жалко.

Он снова скрылся в коридоре и вскоре вернулся обратно, держа за руку молодую женщину, лет двадцати пяти, одетую в джинсы и клетчатую блузку. Ее длинные светлые волосы были собраны в хвост. Испуганно озираясь, женщина покорно следовала за приятелем Фомича.

Усадив ее за стол, Захарыч сел на свободный стул, а Фомич, разлив по кружкам ароматный напиток, произнес:

— Кушайте, гости дорогие. Чем богаты, тем и рады.

Усевшись за стол, Фомич обратился к приятелю:

— У меня тут тоже пришлый. Тилом зовут. Ничего о себе не помнит. Предполагаю, что он больничный.

Внимательно посмотрев на молодого человека, Захарыч сказал:

— Наш. Вчера вечером поступил, с проломленной головой.

Вздвогнув от этих слов, Тил схватился руками за свою голову.

— Ты чего за голову хватаешься? — удивился Фомич. —

Ты же — душа, а проломленная голова в больнице осталась.

Шумно отхлебнув из кружки горячий напиток, он добавил:

— Видать, подрался с кем-то.

— Нет, — взяв с тарелки кусок колбасы, сказал Захарыч. —

Парень в такси ехал. Произошла авария и он вылетел из машины через лобовое стекло. Его тело находится в реанимации, на четвертом этаже.

Он положил колбасу на хлеб и продолжил:

— Правда, с ним конфуз вышел. Пока скорая бумажки оформляла, вещи его тю-тю. Спер, кто-то.

— Украли? — переполошился Тил.

— Бывает, — Захарыч потянулся за еще одним куском колбасы.

— А, как же мои документы и деньги?

— Да не волнуйся ты так! Может еще найдутся, — попробовал обнадежить его Фомич.

— Это, вряд ли, — возразил Захарыч, запихивая печенье себе в рот. - Сейчас главное найти тех, кто его знает. Травма тяжелая, скорее всего операция потребуется.

— Плохо дело, — задумчиво сказал Фомич и подпер рукой подбородок.

Тил возмутился:

— Какое вы имеете право ставить диагноз, не будучи врачом?!

Порывшись в карманах старомодного пиджака, Захарыч вынул из них бумажную салфетку и несколько конфет. Тщательно вытерев рот салфеткой, он посмотрел на молодого человека:

— Я, уважаемый, при больнице не первый год служу. Я при ней больше ста лет нахожусь и всякого насмотрелся. Чтобы правильный диагноз поставить, мне университетских дипломов не требуется. Ежели сказал, что операция потребуется, значит, так и будет.

Придвинув к себе кружку, Захарыч взял одну из конфет.

— Так, почему врачи ничего не делают?! — Тил перевел взгляд с одного домового на другого.

— А чего торопиться? — удивился Захарыч, снимая с конфеты обертку. — Доктора делают все, что должны делать. Поддерживают жизнь в теле. Но родные, все-равно, нужны.

Тил побледнел:

— Но вся моя родня живет в Дании.

— Ты погляди! — обрадовался Фомич. — Память вернулась. Что еще о себе помнишь?

— Я учитель и мне предложили работу при посольстве, - молодой человек схватился пальцами за волосы. — Я только вчера прилетел в Москву. Приземлился в аэропорту, взял такси. Потом авария... В посольстве даже не знают, что я здесь.

— Думаю, что нам надо, каким-то образом, связаться с теми, кто тебя знает, — задумчиво сказал Фомич и потянулся за конфетой.

— Но, как, если документы украли, а сам я нахожусь в коме?!

— Способов много, — ответил Фомич и, не снимая обертку, сунул конфету себе в рот. — Слышь, Захарыч, что-то твоя спутница совсем скисла. С ней-то, что?

— Сиганула утром с семнадцатого этажа. Любовь..., неразделенная.

— Бедняжка, — посочувствовал Фомич. — Надеюсь, оклемается.

— Не знаю - не знаю. Семнадцатый этаж, как-никак, - покачал головой Захарыч.

— А, если не выживет? — шепотом спросил Тил.

— Отправится на небеса, — Захарыч шумно отхлебнул из кружки.

— А чего ты шепчешь? — удивился Фомич и подлил чай в кружку Захарыча.

— Перед ней неудобно, — ответил молодой человек, кивая в сторону гостыи. — Зачем ей слышать о том, что она может умереть.

— Она сейчас, вряд ли, что-то понимает, — со знанием дела произнес Захарыч.

Фомич заерзал на табурете:

— Ты, Захарыч, лучше подскажи, как парню помочь?

— Можно влезть в сон того, кто его знает. Будет логично предположить, что это должен быть, кто-то из его родни.

Фомич посмотрел на Тила:

— Ты, милый, где у себя в Дании живешь?

— В Копенгагене.

— Адрес назови.

— Зачем? — удивился молодой человек.

— Он еще спрашивает! — поразился Фомич. — Матушку твою во сне навестим. Как ее зовут?

— Джет Нильсен, — ответил Тил. — Подождите! Мама не знает вашего языка и ничего не поймет. Это я учил русский язык. К тому же, она живет не в столице, а в Роскильде.

— Это тоже город? — поинтересовался Захарыч.

Тил поднялся со стула и, расправив плечи, с гордостью заявил:

— Да. К вашему сведению — это бывшая резиденция датских королей и в эпоху викингов являлась столицей Дании!

Фомич почесал под бородой:

— Надо же! Так, чего же тебе, викинг, дома, возле мамкиной юбки, не сиделось?! И целым бы был, и мы бы сейчас не мучились. Давай, пиши адрес матери. Только сядь, для начала. А то вскочил, шашку наголо!

Вынув из карманов штанов мятый листок в клеточку и огрызок карандаша, домовой протянул их Тилу:

— А за язык не переживай. У вас там тоже домовые водятся. Датские. Хоть один из них, но поможет с переводом.

— Это пустая затея, — растерянно сказал Тил, усаживаясь за стол и расправляя листок.

— Еще родные имеются? — поинтересовался Захарыч.

— Две сестры и брат. Ингер, Эмма и Пер. Только они сейчас в других странах живут. Ингер в Германии, с мужем и детьми. Эмма и Пер учатся в Австралии. Их адреса тоже писать?

- Пиши, - кивнув головой, сказал Захарыч.

- Я тут подумал, - задумчиво произнес Фомич, - зачем нам Дания нужна? Ты, вот, викинг, упомянул, что в посольстве работать собирался. Может, ты в нем, кого знаешь?

— Знаю! — оживился Тил. — Одного парня знаю. Я с ним переговоры о работе вел. Его Оле зовут. Оле.., Оле.., Оле Йенсен. Он занимается подбором кадров.

— Ну, хоть, что-то, — с облегчением вздохнул Фомич. — Он-то нам и нужен.

Домовой слез с табурета и подошел к большому зеркалу, висевшему на облупленной стене. Протерев рукавом своей рубахи выдавшую виды поверхность, он сказал:

— Через зеркало пойдем, не хочу под дождем мокнуть. Захарыч, ты с нами?

— Нет, — отозвался тот, — у меня в больнице дел — выше крыши, к тому же, моя спутница... Семнадцатый этаж...

Все посмотрели на молодую женщину, продолжавшую тихо сидеть за столом. Она стала еще бледней и прозрачнее, чем пару часов назад.

Больничный домовой поднялся со стула и, погладив ее по голове, сказал:

— Собирайся, красавица, тебе пора.

Как только за ними закрылась дверь, Тил, следуя за Фомичом, шагнул в зеркальную гладь. Через мгновение он уже стоял в холле посольства, около большого зеркала в позолоченной раме.

В здании было темно и тихо. Фомич, чьи глаза в темноте напоминали два раскаленных уголька, потянул молодого человека за собой.

— Я не знаю, куда идти, — зашептал Тил. — Я никогда здесь не был.

— Можно подумать, что датское посольство мне дом родной. — тоже шепотом сказал домовый.

Они осторожно пересекли холл, чьи стены были увешаны красивыми картинами и попали в большую комнату с несколькими дверями. Под одной из них виднелась полоска света. Нажав на ручку, Фомич, в сопровождении Тила, вошел в небольшой кабинет.

В глаза сразу бросилась настольная лампа, тускло освещавшая работающий ноутбук и аккуратно сложенные папки. За столом, уронив голову на руки, спал светловолосый мужчина. Рядом, на мягкой софе, укрытый тонким пледом, сопел мальчик, лет семи или восьми.

Фомич подошел к столу. Тил, не сводя глаз с мальчика, последовал за домовым и, наткнувшись на стул, уронил его на пол. Фомич вздрогнул и замер - спящий мужчина пошевелился, но не проснулся. Тил поднял стул. И тут, со стороны софы раздался тихий детский голос:

— Nej!

— Nej! — сказал молодой человек, поворачиваясь к ребенку.

— Что он сказал? — спросил домовый.

— Он сказал: «Привет», — перевел Тил. — Он меня видит, Фомич. Почему?

— Дети многое видят. И помнят то, что с возрастом забывается. Узнай, кто он.

— Hvem er du? (Ты кто?)

Мальчик молчал.

— Og jeg er Thiel. Hvad er dit navn? (Меня зовут Тил, а как твое имя?).

— Oliver (Оливер).

— Что? Что ты ему говоришь? — запаниковал Фомич. — Я ничего не понимаю.

— Я спросил, как его зовут. Он ответил — Оливер. Что мне еще спросить?

— Спроси, знает ли он твоего Оле.

Тил заговорил с мальчиком, после чего перевел Фомичу:

— Оказывается, Оле его отец — тот самый, что спит за столом.

— У них нет жилья?

— Нет, у них все есть, просто мама Оливера сегодня ночью родила дочку. Больница находится, где-то рядом, и они с папой решили заночевать в посольстве.

— Расскажи ему, что с тобой приключилось. Пусть он все отцу передаст. Только скажи, что ты ему снишься.

— Я так и сказал, — раздраженно ответил Тил.

Мальчик слез с дивана и, улыбаясь, подошел к незваному гостю. Тил присел на корточки.

— Du er sjov (Ты смешной), — сказал мальчик.

— Jeg ved, baby (Я знаю, малыш).

— Er du syg? (Ты заболел?).

— Jeg havde en ulykke, og jeg var meget darling (Я попал в аварию и мне очень плохо).

— Jeg vil gerne give dig medicinen? (Хочешь, я дам тебе лекарство?).

— Jeg vil have dig til at finde mig (Я хочу, чтобы меня нашли).

Оливер кивнул головой.

— Вот, отдай ему, — Фомич сунул в руки Тила листок бумаги.

— Что это?

— Адрес больницы. А иначе, где прикажешь тебя искать?

Тил протянул листок мальчику:

— Give det til far (Отдай это папе).

Снова кивнув головой, мальчик взял бумажку и вернулся на софу. Через минуту он уже спал, крепко зажав бумажку с адресом в своем маленьком кулачке.

— Надо бы адрес больницы на компьютере написать, — посмотрев на домового, произнес молодой человек. — Взрослые не всегда верят детям. А это уже будет серьезнее, чем рассказ ребенка и какой-то клочок бумаги.

— Так чего же ты ждешь? — зевая, поинтересовался Фомич.

— Думаешь, у меня получится? — с надеждой в голосе спросил Тил.

— Это, как с молоком, — ответил домовый и подтолкнул молодого человека к столу.